

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 999.133.02,
созданного на базе Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования "Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского" Министерства
науки и высшего образования Российской Федерации и Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Ивановский государственный университет» Министерства
науки и высшего образования Российской Федерации ПО
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
НАУК**

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 12.03.2021 г. №4

**О присуждении Помеловой Юлии Павловне,
гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата
исторических наук**

Диссертация «Проблемы формирования национальной идентичности в Китайской Народной Республике (2002-2012 гг.)» по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новая и новейшая история) принята к защите 24.12.2020 г., протокол № 30, диссертационным советом Д 999.133.02, созданным на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования (ФГАОУ ВО) «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 603905, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет», 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39. Совет утвержден приказом Минобрнауки РФ от 1 марта 2017 г. № 149/нк.

Соискатель Помелова Юлия Павловна, 1990 года рождения, в 2012 г. окончила бакалавриат ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по направлению подготовки «Международные отношения». В 2014 г. соискатель ученой степени окончила магистратуру Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского по направлению подготовки «Международные отношения».

В 2019 г. окончила аспирантуру ННГУ им. Н.И. Лобачевского по направлению подготовки «Исторические науки и археология» (диплом об окончании аспирантуры от 27 сентября 2019 г. № 105204 0033089). В период подготовки диссертации соискатель работала в должности преподавателя кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Диссертация выполнена на кафедре восточных языков и лингвокультурологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный руководитель — Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Официальные оппоненты:

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Высшей школы международных отношений и востоковедения Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Карпов Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» в своем положительном заключении, составленном доктором исторических наук, профессором кафедры истории и зарубежного регионоведения Ольгой Николаевной Сеньюткиной и доктором исторических наук, профессором кафедры международных отношений и мировых политических процессов Сергеем Васильевичем Устинкиным, указала, что диссертационное исследование Помеловой Юлии Павловны посвящено актуальной теме и имеет серьезный научный потенциал. Диссертация относится к немногим исследованиям, изучающим политику КПК не обзорно, а в лице «лидеров четвертого поколения» и их конкретных политических шагов. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям, требованиям п. 9-14 Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор, Юлия Павловна Помелова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - «Всеобщая история (новое и новейшее время)».

Отзыв ведущей организации содержит следующие замечания:

1. Следовало бы более четко сформулировать проблемы и противоречия реализации государственной политики формирования национальной идентичности Китайской Народной Республики;
2. на этой основе определить эффективность её реализации в информационной, образовательной, религиозной и языковой политиках по формированию национальной идентичности;
3. сформулировать критерии её оценки;
4. больше внимания уделить альтернативным вариантам государственной политики по формированию национальной идентичности.

Соискатель имеет 14 опубликованных работ, в том числе по теме диссертации 14 работ общим объемом 10,7 п.л., опубликованных в

рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ – 3.

Недостоверные сведения в списке трудов об опубликованных работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации, отсутствуют, в диссертации отсутствуют неправомерные заимствования.

Наиболее значимые научные работы по теме диссертации:

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Помелова, Ю.П. Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнаций в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао / Ю.П. Помелова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 2 (58). – С. 53-57. (0,58 п.л.)

2. Помелова, Ю.П. Идеологические основания религиозной политики КНР во время председательства Ху Цзиньтао / Ю.П. Помелова // Клио. – 2018. – № 9 (141). – С. 69-74. (1,85 п.л.)

3. Помелова, Ю.П. Информационный контроль над делами национальных меньшинств в КНР после 1978г. / Ю.П. Помелова // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 6 (50). – С. 78-82. (0,58 п.л.)

Научные статьи в других изданиях:

4. Помелова, Ю.П., Лычагин А.И. Религиозная политика в отношении монастырей тибетского буддизма в КНР в период председательства Ху Цзиньтао / Ю.П. Помелова, А.И. Лычагин // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XII Международной научно-практической конференции. – Казань: Издательство «Фэн» АНРТ, 2019. – С. 305-312. (0,81 усл.п.л. / авт.вклад 0,5 п.л.)

5. Помелова, Ю.П., Волков, С.Ю. Самоорганизация национальных меньшинств на примере тибетской диаспоры / Ю.П. Помелова, С.Ю. Волков // Огарёв-Online. – 2019. – № 4. – С. 1-8. (0,92 п.л. / авт.вклад 0,7 п.л.)

6. Помелова, Ю.П., Чернова, А.Ф. Эколингвистика и языковая

политика КНР / Ю.П. Помелова, А.Ф. Чернова // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 5. – С. 1-8. (0,92 усл. п.л. / авт.вклад 0,6 п.л.)

7. Помелова, Ю.П., Волков, С.Ю. Национальная идентичность как научная категория / Ю.П. Помелова, С.Ю. Волков // Огарёв-online. – 2018. – № 6 (111). – С. 1-7. (0,81 п.л. / авт.вклад 0,7 п.л.)

8. Помелова, Ю.П. Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР / Ю.П. Помелова // История и Современность. – 2016. – №1 (23). – С. 171-180. (0,58 п.л.)

9. Помелова, Ю.П. Некоторые аспекты информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств / Ю.П. Помелова // «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», XX-я Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: мат. международ.науч.-практич. конф. – Княгинино: НГИЭУ, 2015. – С. 302-305. (0,35 п.л.)

10. Помелова, Ю.П. Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР / Ю.П. Помелова // Общество и государство в Китае XLV/1: мат. 45-ой всерос. науч.конф. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – С. 175-184. (0,52 п.л.)

11. Помелова, Ю.П. Языковая политика КНР в отношении национальных меньшинств / Ю.П. Помелова // 9-я Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: мат.докладов. – Н.Новгород: Гладкова О.В., 2014. – С.210-216. (0,58 п.л.)

12. Помелова, Ю.П. Высшее образование для национальных меньшинств в КНР / Ю.П. Помелова // Вестник Мининского университета. – 2014. – №1(5). – С. 1-11. (1,27 п.л.)

13. Помелова, Ю.П. Приграничное сотрудничество РФ и КНР на западном участке границы / Ю.П. Помелова (Ю.П. Сивухина) // Нижегородский журнал международных исследований. – 2011. – С.116-120. (0,58 п.л.)

14. Помелова, Ю.П. Сепаратистский терроризм в КНР на примере СУАР / Ю.П. Помелова (Ю.П. Сивухина) // Восточный фактор: приложение к Нижегородскому журналу международных исследований. – 2010. – С.17-20. (0,35 п.л)

На диссертацию и автореферат поступили отзывы:

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Мартынова Дмитрия Евгеньевича**, доктора исторических наук, профессора кафедры алтаистики и китаеведения Высшей школы международных отношений и востоковедения Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

В отзыве указаны следующие замечания и рекомендации:

1) При чрезвычайно высоком уровне исполнения работы, отличного по структуре текста, хорошего научного языка, прекрасного подбора материала, мы не увидели очень важной и нужной для читателя информации: выводов по главам и параграфом. Глава первая содержит выводной текст на с. 58-59, он вводится стандартным оборотом «таким образом», но визуально не выделен никак. Во второй главе выводные абзацы уже представлены, и вновь никак визуально не выделены. Подчеркнем при этом очень высокую степень профессионализма, продемонстрированную автором в заключении к диссертации, поскольку здесь в полной мере представлена логика исследования и все важнейшие тезисы в непрерывной цепи рассуждений. Не секрет, что зачастую диссертант ко времени оформления заключения «выдыхается», и в этом отношении мы можем считать диссертацию Ю.П. Помеловой образцовой.

2) В порядке научной дискуссии хотелось бы обратить внимание на пассажи, посвященные религиозной политике. На с. 119 дана вполне ёмкая, хотя и не лишенная публицистической эмоциональности, формула: «корни амбивалентности официальной религиозной политики КНР могут лежать в исторически сформировавшемся восприятии религии как политического

инструмента, имеющего пропагандистскую и агрессивную направленность». Употребление слова «агрессивное» объясняется связью массовых религиозных учений с крестьянскими восстаниями, которые иногда приводили к смене династий. На наш взгляд, не очень убедительно показано, что связывание властями подрывной деятельности иностранцев и импортом тех или иных религиозных учений является инновацией именно XIX в., начавшейся от торговых, так называемых, «опиумных» войн. Равным образом, на наш взгляд, на с. 120 представлен неудачный пример с Хун Сюцюанем и тайпинами, поскольку их движение, инспирированное христианством (и одновременно первый более или менее жизнеспособный вариант китаизации христианства) ими самими активно и отчетливо противопоставлялось как европейским империалистам, так и восстаниям, поднятыми традиционными сектами. В общем, мы полагаем, что (на с. 123), что утверждение «...в рассматриваемый период правительство закрепило за собой прерогативу определения истинности и ложности религий, искоренения «феодалных суеверий» и «еретических учений», сильно обедняет исторический контекст рассматриваемой проблемы. Указанная на с. 125 практическая задача управления религиозными институтами со стороны КПК, фиксируется в китайских источниках чуть ли не от эпохи Хань.

3) Некоторые замеченные недостатки, в сущности, являются курьёзами. Например, очень нужное само по себе приложение в виде терминологического словарика (с. 233-235) названо «Словарем буддистских терминов», однако наряду с объяснениями названий тибетских буддийских школ, титулов и обиходных понятий, в словник оказался включен традиционный маньчжурский титул «амбань» (который ошибочно объяснен как «провинциальный» чиновник, хотя члены императорского совета также носили титул амбаней), и слово «интронизация», которое следует в контексте считать обиходным. Кстати, не очень понятно, зачем дублировать вынесенные в глоссарий термины в подстрочных примечаниях (напр., на с. 130, 131, 134, 135, и др.). Это мелочь, но мелочь показательная.

4) Обратимся к еще одному пассажиру. На с.54 чрезвычайно лихо (другой термин подобрать затрудняюсь) охарактеризована эволюция представлений китайцев о центральном месте своей культуры и страны в устройстве вселенной. Разумеется, диссертация не посвящена этому предмету специально и мы не можем требовать от специалиста по современности учета всех тончайших аспектов в историографическом освещении темы. Но всё-таки недоумение вызывает хронологический разрыв между упоминаемыми источником раннечжоуской эпохи и сразу же (в порядке изложения) наступившей эпохой Хань. Между тем, как существует великолепная серия книг М.В. Крюкова и его коллег, посвящённая этнической истории китайцев, и ускользнувшая, к сожалению, от внимания нашего автора; не упоминаются эти монографии и в библиографическом списке. Собственно, в монографии «Древние китайцы. Проблемы этногенеза» в очень увлекательном изложении со строгой опорой на первоисточники представлено формирование представлений о «срединных царствах» и складыванию оппозиции «варвары - жители Срединного государства». Данные вопросы рассматривались и Л.С. Васильевым в его трёхтомном исследовании «Древний Китай». Большой объём изложения, нежели представленный, не потребовался бы, но досадный разрыв по хронологии и «провел» в достаточно важной для данной диссертации проблеме был бы закрыт. Это же касается перечисления основных исторических этапов развития этнического самосознания китайцев вообще.

5) Крайне редко, но встречаются мелкие технические огрехи, например, в примечании 102 на с. 55, где в транскрипции Палладия понятия «Верхний владыка» (上帝 shàngdì) слог «шан» представлен как «шань». То же на с. 57: «Цзян Цзэмиинь». Такого рода примеры можно найти и далее: на с. 72 повтор слова «опубликованы» (стандартная проблема при редактировании электронного текста). На с. 75 представлен излишне публицистический оборот: «На протяжении многих лет продолжается игра в кошки-мышки между китайскими интернет-пользователями и

Коммунистической партией Китая». Коль скоро на с. 80-81 упоминаются пропагандистские плакаты, очень бы украсило работу вынесение хотя бы одного образца в приложение в качестве наглядной иллюстрации. Последовательно использовано написание дат в формате «1980-ых гг.» (дважды повторенного на с. 92), что не вполне отвечает правилам русского написания числительных и принятого в типографике стиля.

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Карпова Михаила Владимировича**, кандидата исторических наук, доцента школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

В отзыве указаны следующие замечания и рекомендации:

1) Пожалуй, главной, концептуальной проблемой работы является само понимание автором особенностей «национальной идентичности» в китайском историческом и социокультурном контексте. Или, правильнее сказать, их, возможно, не вполне полное понимание. По известному - и в данном случае справедливому - замечанию современного французского интерпретатора Китая Мартина Жака, Китай - это цивилизация, рядящаяся в тогу национального государства. Иными словами, исторически в Китае никогда не было ни национальной, ни государственной идентичности. Их неизменно заменяла идентичность, по сути, эксклюзивно цивилизационная - концепция «Поднебесной» как «центра ойкумены» (и ряд других - клановая, диалектная, региональная, даже пищевая. Из этнографии хорошо известно, насколько китайская социально-политическая культура пишецентричная). Кстати, поэтому крайне сомнительно выглядит утверждение автора, будто благодаря роду формирования национальной идентичности в Китае идет быстрее, чем на Западе (с. 53). При этом автор ссылается на книгу Н.Б. Помозовой. Следует со всей определенностью сказать, что здесь - и г-жи Н.Б. Помозовой, и у автора вслед за ней наблюдается явная путаница понятий. Историческая и социо-этнографическая эмпирика дают основания

утверждать, что дело обстоит как раз наоборот - именно распад клановых («родовых») отношений и эмансипация нуклеарной семьи из патронимии на Западе стало одной из ключевых и базовых предпосылок формирования национально-государственной идентичности у большинства народов Европы. Для Китая и национальная идентичность и государственная, по сути дела, новеллы, введенные в XX веке и наиболее активно конструируемые после 1949 года. В этом отношении одна из фундаментальных историко-культурных причин поражения гоминьдана в материковой части Китая состояла в том, что наследники Сунь Ятсена (которого автор на с. 46 весьма смело определяет как «основоположника китайской социал-демократии») не смогли - не успели? - сконструировать китайскую национально-государственную идентичность. Стремление гоминьдана цепляться за это конструирование даже после поражения в гражданской войне, оказавшись волею судеб на Тайване, стало ключевым триггером сначала латентного, а затем все более обостряющегося и углубляющегося социально-политического кризиса режима Чан Кайши и его наследников в тайваньском изгнании. Иными словами, китайские националисты гоминьдановского разлива проиграли сражение за конструирование китайской национально-государственной идентичности на всех фронтах.

Этим занялась КПК после своей триумфальной победы в материковой части Китая в 1949 году. И занимается по сей день. Степень успешности - вопрос весьма дискуссионный. На с. 191 автор справедливо пишет, что идентификационная гомогенизация является - с точки зрения КПК - решением национального вопроса внутри страны. В равной мере справедливо в другом месте Ю. Помелова отмечает стремление КПК создать в Китае «над этническую» идентичность. Однако все же - что эта за идентичность? Национальная, национально-государственная, идейно-политическая, социокультурная? Ответ на эти вопросы в полной мере не содержится в представленной диссертации. Судя по контексту работы в целом, речь, видимо, все же идет скорее о национально-государственной

идентичности. Тогда, возможно, в названии диссертации имело смысл написать о формировании не национальной, а о национально-государственной идентичности.

2) В работе недостаточно ясно обоснованы хронологические рамки для рассматриваемой проблематики.

3) Порой автор сбивается на публицистику, утверждая, в частности, способность Китая к «перемалыванию» всех внешних культурных императивов (с. 3). Замечу лишь, что действительно «перемолов» цивилизационно близкие, «азиатские», и к тому же «отсталые» по сравнению с собственно китайским монгольский и маньчжурский «императивы», великий Китай явно спасовал перед цивилизационно иным, социально-политически и технико-экономически «продвинутым» западным социокультурным «императивом», который оказался «всемогущей Поднебесной» явно не по зубам. Этот последний и фундаментально чуждый ему «императив» Китай, фигурально выражаясь, пытается «перемолоть» с конца XVIII века, но стратегически, с моей точки зрения, не сильно в этом преуспел. Во всяком случае, не на уровне внешнего копирования (в этом смысле у Китая почти всегда все в порядке), а в смысле сущностного содержательного воспроизводства или устойчивого и реального (не декларируемого!) подчинения одного «китайской специфике». Кстати, в самом начале диссертации автор опять-таки отдает дань агитационно-журналистской моде определенного направления и в зачинной части введения рисует картину движения КНР «от победы к победе», опустив кровавейшую гражданскую войну, социально-экономические катастрофы аграрной реформы и Большого скачка, хаос и массовые репрессии культурной революции.

4) За рамками методологии работы, посвященной, в сущности, политике тоталитарного (пост-тоталитарного) режима, остались проблематика типологии политических режимов, «тоталитарной модернизации», эволюции однопартийных режимов ленинского типа,

чрезвычайно сложные и запутанные взаимоотношения тоталитарных идеократий XX века и традиционной культуры и т. д. Поэтому несколько наивно выглядят предложения автора по совершенствованию политики формирования идентичности в КНР: «Создание национальной идентичности в КНР возможно и в случае отделения культуры большинства от политической культуры, достаточно сделать акцент на гражданском аспекте идентичности и признать неоднородность своего населения, как это было сделано в некоторых многонациональных странах» (с. 199-200). Если это «достаточно» практически осуществить, партийное государство ленинского типа в КНР прекратит свое существование, вероятно, с минимальным временным лагом. И Китай просто перестанет быть тем Китаем, который известен нам - не в культурно-цивилизационном, а в политико-институциональном смысле. И в смысле национальной (национально-государственной) идентичности, вероятно, также.

5) На с.130 автор, с моей точки зрения, довольно смело утверждает, что в современной КНР «конфуцианству, сознательно, хотя и неофициально, придан статус государственной религии». Вряд ли это так. В любом случае, апология конфуцианства в КНР 2000-2010-х годов находилась - и до сих пор находится - под мощной идейной и институциональной марксистско-ленинской эгидой КПК.

6) Есть в работе и заметная опечатка - на с. 135 автор, очевидно, описалась, назвав провинцию Цинхай провинцией «Циньхань».

7) Есть определенные вопросы и к третьей главе. Понятно, что это своего рода case study формирования национальной идентичности в КНР. Но все же, следовало бы более определенно пояснить, почему взят именно Тибет и тибетский буддизм. Глава сама по себе написана хорошо, но она, как мне кажется, несколько выбивается из очень стройного и фундированного контекста первых двух глав. Так или иначе, необходимо было лучше интегрировать в работу конкретную тибетскую проблематику.

Положительный отзыв на автореферат кандидата исторических наук, доцента, заведующего кафедрой восточных языков ФГБОУ ВО «Дипломатическая Академия МИД РФ» **Семенова Александра Владимировича** не содержит замечаний и рекомендаций.

Положительный отзыв на автореферат поступил от **Семеновы Татьяны Григорьевны**, кандидата филологических наук, доцента, заведующей кафедрой устного перевода ФГБУ ДПО Институт повышения квалификации «Высшие курсы иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации». В отзыве Т.Г. Семеновы имеется следующее замечание. Несмотря на неоспоримые достоинства в работе встречаются некоторые лингвистические поправки. Например, фраза: "укрепление морали через «восемь добродетелей и восемь пороков»" с точки зрения русского языка весьма двусмысленна, как можно укреплять мораль через пороки? Возможно, это огрехи перевода или не слишком точно сформулированная мысль.

Положительный отзыв на автореферат поступил от **Малова Сергея Геральдовича**, представителя Министерства иностранных дел Российской Федерации в г. Нижнем Новгороде. В отзыве С.Г. Малова имеется следующее замечание. На наш взгляд, в целях усиления практической значимости проделанной работы и исходя из сделанных выводов, можно было бы в заключении указать какой именно положительный опыт КНР в формировании национальной идентичности следовало бы использовать в современных условиях при регулировании межнациональных проблем.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их высоким профессионализмом и компетентностью в соответствующих отраслях науки, наличием у оппонентов и сотрудников ведущей организации публикаций в рецензируемых журналах за последние пять лет. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова является признанным научным центром по регионоведению, в университете активно развивается китаеведение, в том

числе, благодаря работе структурного подразделения университета - Российско-китайского научно-образовательного центра «Институт Конфуция при НГЛУ»; Д.Е. Мартынов - крупнейший специалист по истории Китая и истории общественной мысли; М.В. Карпов является признанным специалистом по внутренней политике Китая, социально-экономическому и политическому развитию КНР и Тайваня.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

– изучено формирование национальной идентичности в КНР в 2002-2012 гг., происходившее с помощью стандартизирующей системы национальной политики, включающей в себя информационную, образовательную, религиозную и языковую политики;

– установлено, что главной целью формирования национальной идентичности в КНР в рассматриваемый период являлась гомогенизация населения, создание культурной и национальной однородности;

– выявлена специфика реализации политики по включению национальных меньшинств в национальную идентичность в КНР в период «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров, которая сочетала в себе меры поддержки, контроля и различные меры государственного принуждения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что научная проблема формирования национальной идентичности как единого мировоззренческого комплекса рассмотрена в исторической динамике на примере многонационального и многоконфессионального китайского государства.

Значение результатов исследования для практики определяет возможность их использования в различной социально-политической деятельности. Например, при принятии управленческих решений государственных органов власти, в рамках двухсторонних отношений России и Китая, материалы данного исследования могут быть использованы для

лучшего понимания особенностей внутренней политики КНР и специфики межнациональных и межконфессиональных отношений в исследуемой стране. Также данное диссертационное исследование может быть использовано в аналитической работе по прогнозированию общественных движений на национальной почве, в связи с оценкой роли средств массовой информации, образования, религиозной деятельности и языковой политики в воздействии на массовое сознание, в том числе на формирование национальных ценностей и приоритетов. Изучение опыта КНР, рассматриваемого в рамках завершеного исторического периода, может способствовать поиску эффективных стратегий и инструментов национальной политики.

Личный вклад соискателя состоит:

- в формировании репрезентативной источниковой базы и комплексного анализа источников и литературы по теме диссертации;
- в изучении процесса формирования национальной идентичности в КНР в 2002-2012 гг. с использованием методов и концептуальной основы, отвечающих требованиям современной науки;
- в формулировке ряда выводов, существенно дополнивших существующие представления о процессе формирования национальной идентичности в КНР в период «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей.

Оценка достоверности результатов исследования выявила полное и корректное использование источников и литературы, непротиворечивую трактовку фактов, адекватность методологии исследования поставленным целям и задачам. Диссертационное исследование представляется глубоко фундированным, в основу работы положены 80 источников. Список использованной литературы также включает в себя 146 наименований исследований, статей и других трудов отечественных и зарубежных исследователей.

На заседании 12 марта 2021 г. диссертационный совет принял решение присудить Помеловой Ю.П. ученую степень кандидата исторических наук, так как диссертация представляет собой научно-квалифицированную работу, которая соответствует критериям, установленным пунктами 9-12, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 №842.

При проведении открытого голосования диссертационный совет в количестве 20 человек, из них по специальности рассматриваемой диссертации 11 докторов наук, участвовавших в заседании, из 25 человек, входящих в состав совета, проголосовало: за - 20, против - 0, воздержавшихся -0.

Председатель диссертационного совета

д.и.н., профессор

Ученый секретарь диссертационного совета

к.и.н., доцент

А.В. Махлаюк

А.М. Абидулин

12 марта 2021 г.